

УДК 124+128+159.94+140.8

СТРАТЕГИИ ГЕНЕРАЛИЗАЦИИ ЦЕННОСТНОЙ НЕОДНОРОДНОСТИ ОПЫТА И ИХ МИРОВОЗЗРЕНЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ

Е.С. Маслов

Аннотация

Ценностный аспект взаимодействия человека и мира является множественным и разнородным. При выстраивании целеполагания человек испытывает потребность в едином основании для осмысления многообразных ценностей, ситуаций и путей действия. Такое основание предлагают философские и религиозные концепции: они формулируют генерализирующие стратегии целеполагания. Генерализация достигается путём нахождения универсальной финальной ценности, либо путём формулировки целостной стратегии действия, ведущей к реализации основных ценностей, либо в сочетании обоих вариантов. Понятие «смысл жизни» служит одним из способов обозначения генерализирующих стратегий целеполагания и неявно подразумевает возможность высокой степени этой генерализации.

Ключевые слова: ценность, смысл жизни, генерализация, цель, целеполагание, финальные ценности, инструментальные ценности, мировоззрение, философия.

Важнейшим условием любой деятельности является безразличие человека к тем или иным объектам, с которыми он имеет дело. Это безразличие имеет разные аспекты, отражаемые целым набором категорий философии и психологии: «должное», «ценность», «потребность», «желание», «мотив», «цель» и др. Необходимо сразу пояснить, что, осознавая принципиальные различия между этими категориями, в настоящей работе я позволяю себе в некоторых случаях употреблять их в едином контексте, не акцентируя различия, так как для основной формулируемой здесь идеи важен объединяющий эти категории смысловой элемент безразличия человека к чему-либо.

В выстраивании своей деятельности, вплоть до уровня жизненной стратегии, человек пытается познать сущее (то, что есть), уяснить, что является должным (тем, что должно быть), и вывести из этих двух источников принципы собственной деятельности (ответить на вопрос «Что делать?»). При осмыслении должного и его соотношения с сущим много теоретических и практических проблем возникает из-за неоднородности, сложносоставности, множественности ценностного восприятия человеком различных объектов. Безразличие человека к миру множественно сразу в нескольких аспектах. Во-первых, множественны ценностно значимые объекты опыта. Во-вторых, что важнее, множественны сами ценности и потребности человека. Их неоднородность очевидна. Внутренняя противоречивость, как неоднократно отмечали аксиологи, является

неотъемлемой чертой любой системы ценностей (см., например, [1, с. 21–23; 2, с. 100, 106–107]). При всей сложности и полемичности аксиологической проблематики ясно, как минимум, то, что такие начала, которые позволили бы свести к общему знаменателю всё многообразие ценностно-потребностного опыта, не даны нам как нечто простое и очевидное. Наоборот, нам дано прямо противоположное: наличие необозримого множества разноприродных раздражителей, желаний, целей, потребностей, ценностно значимых ситуаций, связанных с ними страхов и надежд, разочарований и радостей. Внешний мир в совокупности с миром внутренним атакуют нас сразу по нескольким, а точнее – по большому количеству направлений, либо же манят, обнадёживают и сулят что-то положительное – опять же в весьма разнообразных формах. В связи с этим перед каждым человеком встаёт важная проблема: как разобраться во всём этом многообразии? Каким образом нужно выстраивать свою деятельность, чтобы уже на уровне целеполагания, а далее – на уровне выбора средств обеспечить одновременную адекватную реакцию сразу на все ценностно значимые объекты? Достижение успеха в одной сфере ещё не гарантирует успешности жизни в целом, если окажется упущенной из виду какая-либо важная область из безбрежного моря безразличного. Ещё сложнее ситуация оказывается, когда речь идёт о действиях не индивида, а некоей социальной группы; максимума сложность достигает при рассуждении о путях развития всего человечества.

В этих условиях особую ценность приобретают идеи, позволяющие упорядочить, систематизировать многообразие безразличного, сформулировать критерии выстраивания непротиворечивого целеполагания, в котором все важные для человека аспекты его жизни оказались бы учтены, а затраты ресурсов на различные ценностно значимые области были бы разумно сбалансированы. Решить задачу такой систематизации и балансировки помогает то, что можно назвать генерализирующими стратегиями взаимодействия с безразличным.

Проблема соотношения различных мотивов и целей деятельности относится в первую очередь к «юрисдикции» психологии, поэтому обратимся к некоторым выводам психологов, исследовавших целеполагание.

Выдающийся отечественный психолог А.Н. Леонтьев, затрагивая вопрос о соотношении различных мотивов деятельности, пишет о выстраивании между этими мотивами иерархических отношений. При этом данный автор не принимает идею шкалирования потребностей, лежащих в основе целеполагания (в качестве примера такого шкалирования он называет иерархию потребностей по А. Маслоу), указывая на зависимость отношений между мотивами от складывающихся связей деятельности субъекта и, как следствие, на релятивность их иерархии (см. [3, с. 203–204]). Осознание выстраивания иерархических связей между мотивами деятельности А.Н. Леонтьев считает одним из главных аспектов процесса формирования и развития личности. В какой-то степени личность и есть это выстраивание и его результат («...иерархии деятельностей... образуют ядро личности» [3, с. 186]). Того же мнения о соотношении генерализирующих стратегий целеполагания и понятия «личность» придерживается К.А. Абульханова-Славская (см. [4, с. 111]). Формирование критериев целеполагания, по её мнению, есть часть более общего явления – «централизации регуляции субъектом» [4, с. 269–270]. Эта исследовательница выходит и на проблему единого

начала, находящегося (или могущего находиться) в основании выстраивания иерархических отношений между мотивами деятельности: «Проведение единой жизненной линии заключается не просто в отделении значимого от незначимого (к чему психологи часто сводят всю проблему), а в определении меры и масштаба значимости...» [4, с. 146]. Если развить эту мысль в контексте сказанного выше, можно сказать: человек испытывает потребность в однородном мериле разнородного ценностно окрашенного материала своей жизни. Но для этого нужно нечто большее, чем выстраивание иерархии ценностей или потребностей: нужно сведение всего ценностного многообразия к единому основанию, которое дало бы критерий для выстраивания такой иерархии и пронизывало бы, упорядочивало бы реакцию на все ситуации, в которых оказывается человек.

По-видимому, большинство людей не доводит систематизацию своих ценностей, потребностей, целей до такого единого и при этом чётко осознанного основания, ограничиваясь в этой области лишь частичной, дробной и во многом ситуативно изменчивой упорядоченностью. Можно поставить вопрос: осуществима ли в принципе задача найти единое основание целеполагания? Возможно ли построение целостной генерализирующей стратегии хотя бы для основных типов ценностного отношения к объектам и взаимодействия с ними? Как представляется, на этот вопрос трудно дать однозначный ответ. Однако попытки найти такое единое основание и соответствующую жизненную стратегию неоднократно предпринимались мыслителями разных эпох; разумеется, сама проблема при этом формулировалась в весьма различных терминах.

Хочется также обратить внимание на следующее обстоятельство. Формирование генерализирующей стратегии взаимодействия с небезразличным явилось бы универсальным ключом ко всей человеческой жизни. Оно позволило бы предельно чётко расставить приоритеты, а значит, выстроить деятельность с максимальной эффективностью, ведущей человека к гармонии, в чём бы эта гармония ни заключалась. Неудивительно, что отыскание такого универсального ключа к осмыслению мира – единой генерализирующей стратегии систематизации ценностей и целеполагания – уже в древности было осознано мыслителями как весьма достойная задача.

Истинная (с чьей-либо точки зрения) структура ценностных отношений человека и мира, будучи открыта, может осчастливить всё человечество, если человечество примет эту истину и будет ей следовать: такой ход рассуждений преисполнил воодушевлением большое количество мыслителей. Следы этого воодушевления дают о себе знать в текстах Евангелия и Дхаммапады, в произведениях Платона и И. Канта, К. Маркса и Ф. Ницше, А. Швейцера и А. Камю и ещё многих и многих философов разных времён.

Важной частью поисков универсальной генерализирующей стратегии целеполагания является поиск единой финальной ценности, или, если прибегнуть к более ранним философским категориям, поиск единого основания и источника всякого блага. Логика здесь такова: определив главную ценность, субъект может сосредоточить усилия именно на её реализации, не отвлекаясь на незначимое. Ясно, что у такого субъекта шансы реализовать в своей жизни главную ценность возрастают, в чём и видит свою заслугу сформулировавший эту ценность философ. Должное получает шанс стать сущим, если это должное сформулировано

и осознано в качестве должного. Поэтому роль мыслителя, дающего ответ о сердцевине должного, может быть представлена как роль великого реформатора жизни общества и отдельных людей, хотя мыслитель в большинстве случаев ограничивается этим первым шагом на пути к должному. Первым – и ключевым: так часто видится самому мыслителю.

Какие-то типы ценностно значимых ситуаций при этом могут обесцениться, чем достигается «успокоение» по поводу этих ситуаций и значительное высвобождение ресурсов. В других типах ценностно значимых ситуаций выделяется аспект, связывающий их с единой финальной ценностью, этот аспект объединяет сразу множество различных типов ситуаций, позволяет отделить в них значимое от незначимого, за счёт чего становится возможным разработать обобщённые пути реагирования и единые критерии оценки, в том числе позволяющие выстроить иерархию ценностей.

Ярким примером является концепция Платона, который провозглашает «наднебесный» мир идеальных эйдосов источником существования материального мира, а также источником всего благого, что есть в мире. Концепция Платона вычленяет единое основание истинной оценки любого явления, списывая целый ряд ценностей как нечто ложное, недостойное заботы или даже откровенно враждебное истинному благу. Вся совокупность небезразличного приобретает единый генерализирующий ценностный вектор.

Нечто подобное происходит в христианской средневековой философии. Объектом, центрирующим область финальных ценностей, выступает Бог. Многие другие ценности – например, те, что можно объединить в понятие «земное счастье», – в той или иной степени оказываются за бортом пространства подлинных ценностей или по крайней мере оттесняются на обочину ценностного восприятия. Целый ряд нравственных, познавательных, социальных, политических и других ценностей получает своё оправдание через фигуру Бога: через идею служения Богу, выполнение божественных заповедей и т. п. Тем самым эти ценности и связанные с ними единичные ситуации небезразличия получают «общий знаменатель». Всё это – как и у Платона – осмысливается, разумеется, не с помощью категории «ценность», которая входит в философию намного позже, а посредством других категорий (например, категории «благо»).

Финальные ценности снова и снова становятся предметом философского поиска. Готовые решения, преподносимые культурой, могут не удовлетворить философа, который стремится к предельно отчётливой, прозрачной рефлексии в этой области, к чёткой дифференциации, к разоблачению подразумеваемых и при этом ложных, по мнению данного философа, связей. Примером может служить концепция Ф. Ницше, где многовековые идеалы морали (или по крайней мере их существенные элементы) трактуются как искажённая реализация настоящего «ценной» финальной ценности, которую, с некоторым упрощением, можно передать как «воля к власти» (произведение «К генеалогии морали» и др.).

Нередко мыслители критикуют чужие трактовки финальных ценностей, усматривая в них непоследовательность, внутреннюю противоречивость, скрытые подмены. Так, К. Поппер обвиняет Платона в том, что тот под видом ценности всеобщего счастья людей вводит в центральные принципы идеального общества что-то совсем другое (интересы правящих слоёв, тоталитарно понятую

стабильность как самоцель и т. п.), то есть совершает подмену понятий [5, с. 124–145].

Одну из самых непростых философских задач представляет собою чёткое разграничение финальных и инструментальных ценностей. Достаточно вспомнить многовековые споры об обосновании нравственности: является ли добро самоценностью или же оно ценно лишь как средство достижения чего-то другого? Сводя добро к счастью, эвдемонисты утверждают последнее в качестве единого стержня целеполагания; критикующий их И. Кант, постулируя разнотриродность стремления к счастью и морального императива, выстраивает центральный принцип целеполагания как алгоритм поведения человека в условиях этой разнотриродности оснований деятельности [6, с. 265–300].

Другой линией поиска универсального ключа к многообразию безразличного является нахождение генерализирующего начала на противоположном полюсе ценностей – инструментальном. Речь идёт о поиске такого средства, которое может разрешить ценностные коллизии самых разных типов или даже сразу всех типов. При этом обнаружение единой финальной ценности не является обязательным, генерализация идёт в противоположном направлении. Для того чтобы найти универсальные средства, необходимо познание области сущего, будь то знание о природе, человеке, обществе, Боге или чём-то ещё. Эффективное средство решения какого-либо значимого противоречия ценно и без претензии на всеохватность: так ценят лекарство за его способность вылечить одну болезнь, даже если против других болезней оно бессильно. И всё же сколь привлекательна идея панацеи! Панацея избавляет человека от необходимости вновь и вновь возвращаться на уровень решения ещё не решённых задач: все задачи, каковы бы они ни были, оказываются решёнными раз и навсегда, включая ещё не возникшие.

Создание лекарств требует знания не только симптомов болезней и признаков здоровья, но также химии и физиологии. Нахождение универсальных средств реализации должного в сущем требует знания не только должного, но и сущего. Поэтому универсальные ключи в этом случае могут поставляться политическими мыслителями, исследователями сущности человека, даже гносеологами и методологами науки.

Снова приведу в качестве примера Платона. В диалоге «Государство» он предлагает универсальный рецепт совершенствования нравов человека и общества: отказ от частной собственности [7, с. 196–197]. Позже, как известно, этот рецепт превозносился и многими другими теоретиками, а также политиками-практиками. Для формулировки такого решения нужен многосторонний анализ целого ряда аспектов жизни общества и отдельного человека, то есть глубокое познание сущего, а также соотнесения его с должным. Итогом анализа выступает краткая формула успеха. Можно её развивать, детализировать, прорабатывать способы её реализации, но всё равно она является единым узлом, обобщающим хотя и не всё, но значительную часть безразличного в социальной сфере.

Стоит упомянуть о мало относящемся к философии, хотя важном для мировоззрения большого количества людей феномене абсолютизации ценности денег. Служение золотому тельцу было известно с глубокой древности, в капиталистическом обществе оно лишь выходит на новый уровень, так как всё

меньше остаётся того, что невозможно купить за деньги. Денежные знаки являются реально существующей «стяжкой» ценностного многообразия мира на уровне инструментальных ценностей. Обладая значительным количеством денег, человек может обменять их на самые различные блага и удовлетворить сразу широкий спектр своих потребностей. В результате люди стремятся получить побольше не еды, или одежды, или мебели, или транспортных средств, или бытовой техники, или билетов в театры, или лекарств, или соболиных шкур, или масляной краски бежевого цвета, но прежде всего денег, так как в существующей экономической системе деньги легко можно обменять на всё вышеперечисленное, обратный же обмен часто затруднителен. Зарабатывать деньги – это генерализирующая стратегия целеполагания, приводящая к единому знаменателю значительную часть безразличного, дающая мерилу сопоставления различных ценностей. То обстоятельство, что деньги всё же не могут претендовать на всеохватно полное обобщение всего пространства безразличного, оставляет философам надежду на собственную востребованность, по крайней мере в глазах тех, кто всерьёз продолжает верить в «высокие» ценности – нравственные, экзистенциальные и т. п.

Наиболее эффективным в плане поиска универсальной генерализирующей стратегии целеполагания оказывается одновременная проработка обоих направлений: генерализация и полюса финальных, и полюса инструментальных ценностей. Вычленение главного в ценностях и целях и нахождение универсального принципа, которому следует подчинить выстраивание средств, чтобы достичь ключевой цели. Как представляется, многие крупные философы и религиозные деятели именно так и поступали. В некоторых случаях генерализация достигала сведения всего и вся не к одному, а к нескольким принципам, но если их оказывалось обозримое количество, то эффект был примерно таким же. Представьте: единой панацеи нет, но есть 3 или 5 средств, в совокупности способных вылечить все болезни. Это уже великолепное достижение: необозримое сводится к обозримому. Иногда же на том или ином уровне генерализацию целеполагания удаётся довести до максимума, то есть до единого, всё связывающего и всё определяющего узла.

Уже в учении Гаутамы Будды наличествует такая формула. Ключевая ценность – отсутствие страданий (генерализация финальных ценностей), ключевое (достаточное) средство – нирвана (генерализация инструментальных ценностей), далее пучок ценностей инструментального уровня расходится в виде «восьмеричного пути». Подобную генерализацию целеполагания создаёт любая серьёзная религиозная традиция. О генерализации финальных ценностей в христианстве уже было сказано выше, на инструментальном же уровне мы имеем здесь учение о средствах спасения души.

Гораздо более близкий нам по времени Эрих Фромм уже в названии книги «Иметь или быть?» формулирует свой универсальный ключ к многообразию безразличного: стратегия «иметь» ведёт человека и общество в тупик, стратегия «быть» позволяет решить все основные индивидуальные и общественные проблемы [8]. Здесь тоже одновременно устанавливаются и единое основание финальных ценностей, и базирующаяся на его постижении универсальная стратегия деятельности.

Поиск путей действия может трактоваться как начальная стадия самого действия. В каких-то случаях эта стадия воспринимается как незначимая – если нахождение путей видится чем-то лёгким, в других случаях именно на эту стадию приходится основные трудозатраты. Стратегии генерализации целеполагания часто претендуют на особенно высокую значимость, подобно универсальному ключу ото всех дверей: чем тотальнее генерализация, тем большее количество проблем и ценностных конфликтов оказывается решённым в случае её правильного выстраивания и правильной реализации. Мыслитель, предлагающий новую схему в этой области, имеет все основания чувствовать себя спасителем человечества. В самом деле, стратегия генерализации целеполагания, в которой верно схвачено соотношение должного и сущего и исчерпывающим образом обрисованы инструменты, позволяющие реализовать должное так, что ни один важный момент не останется неучтённым, – такая стратегия, будучи принята человечеством, поистине способна это человечество осчастливить. Остаётся лишь вопрос: действительно ли найденный рецепт – панацея? Но авторы концепций описанного типа редко страдают повышенной критичностью по отношению к своим идеям (последовательная самокритичность – вообще редкое явление в истории философии). Их скорее волнует другой вопрос: насколько человечество (или меньшая по масштабам общность) будет способно принять и реализовать намеченную философом линию.

И для автора, предлагающего определённую генерализирующую стратегию целеполагания, и для его идейных последователей эта стратегия может служить важным источником вдохновения. Вместо хаотичного множества разнородных ситуаций неудовлетворённости, где решение даже многих проблем ещё ничего не гарантирует для состояния субъекта в целом, человек получает единый, целостный, всеохватный вектор деятельности, способный (по мнению его сторонников) привести к гармоничному разрешению сразу всех (или наиболее важных) типов неудовлетворяющих ситуаций. Примером может служить социалистическая идеология в различных её проявлениях, выступающая обоснованием идеи революции. Для тех, кто проникнулся подобной системой идей, революция становится потенциальным разрешением всех основных типов неудовлетворённости. Революция, с точки зрения её идеологов и участников, решит проблему неправильного устройства общества, а значит, будет адекватным ответом на все известные конкретному революционеру ситуации беззакония, несправедливости, резкого контраста между праздной роскошью одних и убогой нищетой других. Но не будет ли верным надеяться, что мир после революции принесёт гармонию также и, например, в межличностные отношения, даже не связанные с вопросом о социальной справедливости, – в любовь, дружбу? Если революция должна коренным образом изменить общество, изменится и человек – в лучшую сторону: таково мнение многих теоретиков революции. С коренным изменением параметров общества и человека исчезнут досадные помехи счастью вроде подгоревшего ужина или мелких ссор с соседями. Раскроются возможности творчества, изменится душа человека – вот и эстетическое несовершенство жизни позади. Лишённая необходимости служить войне и эксплуатации, интеллектуальная сила человечества победит болезни, а, возможно, и саму смерть... Одна за другой области небезразличного получают разрешение, пусть

даже лишь в воображении и надежде, если человек находит для себя генерализующую стратегию целеполагания. В найденном направлении устремляются все его помыслы и усилия – тем напряжённее, чем в большей степени удастся этой стратегии объединить в единый ответ реакцию на все разрозненные виды небезразличного. Очевидно, что эта «стяжка» далеко не во всех случаях реализуется со всей полнотой, но очевидно также и то, что в некоторых случаях подобное происходит: это видно из биографий многих революционеров.

Иногда генерализация целеполагания носит временный, ситуационный характер и с изменением ситуации её стержень пропадает, оставляя, однако, в душе человека заметный след. Ярчайшим примером является война, в которой задача человека – защитить свою землю. Все остальные проблемы зачастую отходят в этот период на второй план, ими можно, не лукавя перед собой, пренебречь. Ценностное многообразие мира сходится в одну точку. Подобный эффект имеет ситуация, когда человек пытается спасти себя и своих близких в экстремальных условиях. Радость миллионов советских людей в мае 1945 года не могла бы быть столь сильной, если бы в их сознании не произошло выдвижение на первый план победы как центральной ценности, от которой зависит всё остальное, без которой остальное не имеет смысла (в обычной жизни всё же чаще решение одних проблем имеет смысл даже при нерешённости других). Но, как уже было сказано, эта «стяжка» небезразличного работает лишь в определённых типах ситуаций. Для обобщения всего жизненного опыта во всём многообразии его ситуаций нужно что-то другое.

В каких формах выражается вопрос о генерализующих стратегиях целеполагания? Одно из главных мест в ряду форм этого вопроса занимает вопрос о смысле жизни. Само понятие «смысл жизни» подразумевает наличие компактной и, скорее всего, целостной информационной конструкции. Вопрошающий о смысле жизни в любом случае не будет удовлетворён, если в качестве ответа ему предложат многостраничный перечень пунктов, не связанных воедино. Вопрос «В чём смысл жизни?» неявно подразумевает наличие этого смысла как некоей точки стяжки ценностного и ситуационного многообразия, с которым сталкивается человек в своей жизни. Достаточно посмотреть на любой из известных ответов на названный вопрос, чтобы в этом убедиться. Смысл жизни – в служении Богу; в служении общему благу, обществу, другим людям; в соответствии собственной природе; в собственном счастье; в самореализации; в самой жизни; список можно продолжать, но всякий раз тот, кто даёт ответ, пытается выразить его в краткой целостной формуле.

О смысле жизни можно спросить разное, а не только в чём этот смысл заключается. Давно уже подмечено подразумеваемое (но не доказываемое) в этом вопросе наличие смысла жизни и дана другая формулировка вопроса: а есть ли он вообще, этот смысл жизни? Можно поставить вопрос и так: смысл жизни существует объективно и должен быть нами найден или же мы сами творим, конструируем его? (см. [9, с. 201]). Во всех этих вопросах подразумевается возможность для смысла жизни быть помысленным в виде краткой формулы. Исходя из написанного выше о генерализующих стратегиях целеполагания, это подразумеваемое свойство смысла жизни может быть поставлено под сомнение. Ещё один вопрос о смысле жизни прозвучит тогда следующим

образом: можно ли всё безбрежное многообразие небезразличного, данного нам в опыте, адекватно отразить в виде некоей единой, целостной, да ещё и краткой формулировки, которую можно будет назвать «смысл жизни»? В общем тоне повествования данной работы можно почувствовать некий скептицизм автора этих строк по поводу положительного ответа на сформулированный вопрос. Точнее будет, однако, охарактеризовать моё отношение к этому вопросу как признание разноаспектной сложности и непрояснённости, наличествующей в нём и требующей дальнейших детальных исследований. Для меня представляется, однако, несомненной значительная роль психологического детерминизма в попытках философов очертить как нечто целостное и лаконичное генерализирующие стратегии взаимодействия с небезразличным. Это связано с тем, что нахождение универсальной стратегии способствует переносу на неё эмоционального напряжения разнородных ценностных конфликтов и созданию схемы восприятия этих конфликтов, в которых они – причём совокупно – получают перспективу своего гармоничного разрешения. Мысль же о возможности найти ключ сразу от всех нужных дверей весьма притягательна. Задача эта представляется мне действительно очень достойной, что не отменяет, однако, необходимости самокритичности в оценке результатов собственных или чужих поисков в данной области.

Summary

E.S. Maslov. Strategies of Generalization of Value Heterogeneity of Experience and Their World-View Meaning.

The value aspect of interaction between a person and the world is multiple and heterogeneous. When setting goals, a person needs an integral basis for interpretation of diverse values, situations, and ways of action. Such basis is offered by philosophical and religious concepts; they formulate generalizing strategies of goal setting. The generalization is reached by finding a universal principal value or by formulating an integral strategy of actions for the realization of principal values, or by a combination of both variants. The concept “meaning of life” serves as one of the ways of designating the generalizing strategies of goal setting. This concept implicitly means the possibility of a high degree of this generalization.

Key words: value, meaning of life, generalization, goal, goal setting, principal values, instrumental values, world-view, philosophy.

Литература

1. *Леонтьев Д.А.* Ценность как междисциплинарное понятие: опыт многомерной реконструкции // *Вопр. философии.* – 1996. – № 4. – С. 15–26.
2. *Брожик В.* Марксистская теория оценки. – М.: Прогресс, 1982. – 264 с.
3. *Леонтьев А.Н.* Деятельность. Сознание. Личность. – М.: Изд-во полит. лит., 1975. – 304 с.
4. *Абульханова-Славская К.А.* Деятельность и психология личности. – М.: Наука, 1980. – 334 с.
5. *Поппер К.* Открытое общество и его враги: в 2 т. – М.: Феникс, 1992. – Т. 1. – 448 с.
6. *Кант И.* Основы метафизики нравственности // *Кант И. Соч.* в 6 т. – М.: Мысль, 1965. – Т. 4, ч. 1. – С. 219–310.

7. *Платон*. Государство // Платон. Диалоги. – М.; Харьков: ЗАО «Изд-во ЭКСМО-Пресс»; Фолио, 1998. – С. 33–382.
8. *Фромм Э.* Иметь или быть? – М.: Прогресс, 1990. – 330 с.
9. *Курашов В.И.* Философия: Человек и смысл его жизни. – Казань: Изд-во КГТУ, 2001. – 351 с.

Поступила в редакцию
12.10.11

Маслов Евгений Сергеевич – кандидат философских наук, доцент кафедры общей философии Казанского (Приволжского) федерального университета.

E-mail: eumas@rambler.ru